

Василий Лягоскин

СТОЛБ

рассказы прошлых лет

Василий Лягоскин

Столб

«Издательские решения»

Лягоскин В. И.

Столб / В. И. Лягоскин — «Издательские решения»,

Эти пожелтевшие листки с рассказами, записанными обычной шариковой ручкой, пролежали на чердаке (в самом прямом смысле) почти двадцать лет. Почему ручкой? Потому что тогда у нас не было компьютеров, планшетов, мобильных телефонов... Да много чего не было. Зато были молодость и здоровье; было огромное желание изменить жизнь к лучшему. Получилось? Наверное, не у всех... Давайте вместе вспомним девяностые; вспомним и улыбнемся.

Содержание

Столб	6
Толстый-толстый слой шоколада, или Верблюды идут на Москву	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Столб
рассказы прошлых лет
Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Столб

Деревенская история

Я так думаю: в деревне самый нужный человек – электромонтер. А наш электрик Сашка еще и красавец писанный. Шевелюра рыжая, глазищи голубые, морда красная и передних зубов не хватает. Вылитый Михаил Евдокимов в молодости. Только наш Сашка на левую ногу припадает.

Ноги-то у Сашки одинаковой длины. Только он с утра до вечера в когтях электромонтерских ходит. А правый коготь у него на два размера больше.

Десять столбов у Сашки под отчетом. И провода между ними. А как деревня кончается – ни столбов, ни проводов. Кто-то пропил. Да сам же Сашка, наверное, и пропил. А столбы на дрова всей деревней распилили.

Но Сашка так и висит с утра до вечера на столбах. Делать-то больше нечего. А сверху вся красота деревенская видна.

В тот день прошлым летом он как раз на третий столб залез. Напротив дома, где Козловы – Мишка да Машка живут. Мишка в собственном садике грушовку собирал, падалицу. Сашка ему и крикнул:

- Мишка, а Мишка!
- Чего тебе? – заозирался тот.
- Угости яблочком-то.

Мишке яблока было не жалко. У него их в прошлом году нападало по колено, а живут они с Машкой вдвоем. Он и постарался – самым большим яблоком в лоб Сашке. Хорошо, тот цепью железной к столбу успел привязаться. А без цепочки быть бы нашей деревне без электрика.

- Ты давай рядом, мимо, – электрик оттер лоб от сладкого липкого сока, – а я поймаю.
- Ну держи, Нигматуллин!

Если Сашкин лоб держать за десятку, так Мишке-снайперу целить надо было где-то в шестерку-семерку. А он запульнул в троечку. Наш рыжий хромоногий Нигматуллин дернулся за яблочком вместе с цепью и столбом. Забыл, что и столбы, и провода в эксплуатацию к юбилею запустили – к пятидесятилетию советской власти. В этом году той власти как раз восемьдесят исполнилось бы. Да где теперь та власть?

А столбы с проводами стоят. И еще столько же простояли бы. Да только в третьем столбе какой-то дятел уже который год за червяком охотился. Главное, в одном и том же месте. Вот здесь столб и переломился.

Обломок вместе с Сашкой пару раз качнулся на проводах; потом те лопнули и Сашка загремел вниз – как раз на воз с сеном, который с трудом тащил Яшка, последний деревенский мерин. Сашка ведь не знал, что воз уже занят был. На нем мужик с бабой устроились. Голые, конечно.

Мишка Козлов тоже не знал. Но что-то такое почувал наверное, потому что вышел из садика на улицу. Стоит с папироской в одной руке и зажигалкой в другой – ждет, кто первый пред его светлые очи явится.

И дождался! Поднимается на возу его собственная Машка. Из одежды – Сашкина цепь и полстолба за спиной. Мишка такой представлял себе Жанну д, Арк в момент ее героической смерти. Козлов свою последнюю книгу как раз про Орлеанскую деву читал. Двенадцать лет назад. Потом в магазине появилась туалетная бумага, и Мишкин читальный зал сам собой закрылся.

Тут рядом с Машкиной фигурой появилась другая, еще более раздетая.

– Твою мать! – узнал Мишка Ваньку-бригадира и... решил, что картине героической гибели Жанны... то есть Марии Козловой для полноты реализма не хватает огоньку.

Подумано – сделано. Козлов поднес зажигалку к сено и воз вспыхнул. Хорошо горит сухое сено, особенно если его ветром раздувает! Ветра в тот день не было. Зато Яшка, почуввав запах горелого, понес вскачь в первый и последний раз в жизни.

А Мишка так и стоял с зажигалкой в руке и дурацкой ухмылкой на лице, пока самый длинный провод с крюком на конце не зацепился за его сапог.

– Е-мое! – успел подумать Козлов, падая мордой на главный и единственный деревенский проспект...

Около шестого столба на лавочке сидела Зинка Баранова с подругами – обсуждали очередную серию «Просто Марии».

– О, гляди, – пихнула ее в бок правая подруга, – кто это там скачет?

– Это? – прищурилась остроглазая Зинка, – это просто Мария Козлова – посредине. Справа – просто Сашка-электрик, а слева – просто Иван.

Она еще раз прищурилась и с непонятной гордостью добавила: «Мой Иван; глядите, какой длинный у него...»

В этот момент Мишка, который на своем проводе отставал от телеги с сеном ровно на один пролет, вцепился в первое, что попало ему под руки. По иронии судьбы свинью, которая попала ему в загребушие руки, тоже звали Машкой. Весила она раза в два больше, чем Мишка, но тот не отпустил несчастное животное. Ехать на свинье было гораздо приятнее, чем на собственном пузе по бывшему асфальту главной деревенской магистрали.

Машке (свинье) такой способ передвижения понравился гораздо меньше. А может, совсем не понравился. Потому что она вдруг заверещала почти человеческим голосом.

Но Зинка Баранова свою любимую свинью сразу узнала! Она ее и любила-то больше родного мужа. Примерно в пять раз больше. Почему в пять? Потому что кормила их из одной кастрюли – Ваньке один половник, Машке – пять; Ваньке еще один, а Машке опять пять. А себе – шесть! Вот и весила Зинка как Ванька с Машкой (свиньей) вместе взятые.

Услышав родное верещание, Зинаида Козлова забыла и про «Просто Марию», и про мужа, погибающего мученической смертью на пылающем возу и завопила – тоже почти человеческим голосом:

– Караул! Убивают! Машку убивают!

Переполошив всю деревню, она бросилась на середину улицы и не промахнулась. Свинья временно замолчала – нести на себе Мишку с Зинкой, да еще верещать даже ей оказалось не под силу. Козлову теперь незачем было держаться за животное; Баранова делала это гораздо лучше него. Поэтому он вцепился в Зинку. А может хотел спихнуть ее с себя. Но как-то неудачно, потому что Зинка перестала кричать «Караул!» и застонала на всю улицу:

– О-о-о! А-а-а! Еще, Мишенька! Глыбже, Михаил Сергеич! Ванька-то, паразит, никогда так глубоко не доставал! О-о-о! А-а-а! И вот здесь тоже, и здесь тоже чешется!..

В это время на горящем возу Мария Козлова и Иван Баранов перестали сбивать друг с друга пламя и уставились почему-то на Сашку:

– Это какой такой Мишенька?!

– Это что за Михаил Сергеич?!

– Какой такой? – честно ответил им Сашка, – их у нас всего два, Михайлов-то Сергеевичей. Один – Горбачев – в Москве. А второй – твой, Мария – там, на твоей, Вань, Зинаиде.

Он махнул назад-вниз, а потом схватился руками за штаны, которые загорелись на самом интересном месте. Поэтому он не видел, как Козлова с Барановым переглянулись и пошли на него, как стая голодных волков на самый распоследний бюрократизм.

И загрызли бы!

Но в этом месте бывшая асфальтированная улица закончилась вместе с деревней у последнего, десятого столба, а грунтовая резко повернула направо – как раз перед прудом. Да что это за пруд у нас в деревне? Болото, а не пруд! Одно название. Воды даже по колено не будет – грязи, и то больше.

А из жителей в том пруду одни лягушки да пиявки. Неизвестно только, кто из них крупнее вырос. Вот наши герои это и проверили. Поворот-то только Яшка видел. Он повернуть успел. А остальные – напрямиком в пруд!

Причем что интересно – сначала на своем длинном поводке в это болото влетели Мишка с Зинаидой верхом на свинье, отчего тонкий слой теплой воды выплеснулся на берег. Так что подкопченные Сашка с Ванькой, да Машка с половинкой столба летели уже в чистую грязь. Сверху все это безобразие присыпало остатками догоравшего сена. Пустая телега все таки вписалась в поворот вслед за меринком.

Лягушки – те, которых не выплеснуло на берег с первой волной, в ужасе поскакали в кусты; пиявки, напротив, энергично поползли к центру бывшего пруда – на бесплатный обед.

Когда из этой кучи-малы на берег выползли первые действующие лица, вокруг пруда собралась вся деревня – от двухмесячных тройняшек Семеновых (все мальчуганы на одно лицо – краснощекие, голубоглазые и беззубые) на руках старшей сестры, до девяностолетнего деда Серафима, который приехал на велосипеде. Своими-то ногами он уже ходить не мог.

Первой на берегу оказалась прокопченная тройца. Что интересно – все полностью одетые. Только у Сашки половина штанов сгорела, да Машка где-то в болоте столб потеряла.

Вторая тройца тоже выползла группой. Зинаида волокла за собой полуживую свинью, к которой был намертво примотан проводом Михаил Сергеевич Козлов. Поверх алюминиевой проволоки (для надежности, наверное) на этой сладкой парочке сквозь грязь тускло блестела Сашкина цепь. Мишка был абсолютно голым. Только голову его украшали огромные стальные рога – правый на два размера длиннее левого.

Свинья тоже была голой (или лысой) – всю щетину она оставила на асфальте. Даже розовый хвостик не украшал ни один волосок. Несчастному животному абсолютно нечем было прикрыть свой стыд. Ну и кто после этого в семьях Козловых и Барановых последняя сволочь и блудливый козел?

Весь этот позор отмывали и обмывали почти неделю – на это дело ушли последние Сашкины провода. Только Машка, свинья, позора не вынесла. Сдохла в первую же ночь. Безутешная Зинаида всю деревню на поминки пригласила. Горе горем, а таланта у бабы не отнимешь. Такую вкусные свиные отбивные в деревне еще никогда не ели! Добрую память о себе Машка оставила.

Через неделю другая Машка – Козлова – вместе с Зинкой Барановой слегли. От нервов, наверное. Так в одной палате вдвоем и лежали. А Ванька с Мишкой да Сашкой (этот почти без работы остался) втроем к ним в больницу ездили. Все девять месяцев.

Неделю назад обе наши героини родили по мальчику. Красавцы писанные, на одно лицо. Оба с рыжей шевелюрой, голубоглазые и передних зубов не хватает. Краснолицые – вылитый Михаил Евдокимов в младенчестве. И, вроде бы, на левую ножку припадают.

Вот я и говорю: в деревне самый нужный человек – электромонтер...

Толстый-толстый слой шоколада, или Верблюды идут на Москву фантазия на вольную тему

Верка Осипова прикрепилла значок с цифрой «8» к ляжке купальника и довольно откинулась в кресле. Огромное зеркало отражало ее фигуру до пояса. Ничего фигурка-то, но «Мисс Ковров – 95» ей все равно не стать. Ну хоть какой-то приз отваят, не зря же она с другого конца города в ДК имени Ленина пилила.

Дверь, ведущая в эту маленькую комнатку, срочно переоборудованную в гримуборную, скрипнула, отворилась и выщипанные Веркины брови в зеркале поползли вверх. На пороге стояла негритянка, да не абы какая, а «супер», даже на очень критичный взгляд Осиповой. Фигурка – точеная, ножки – отпад, бюст – в самый раз, не пупырышки и не груши боксерские, торчит вперед без всякого бюстгальтера. А личико – Нефертити, да и только. Правда лицо словно ваксой намазано, да губки чуть толще, чем надо бы. Но как раз такие губки мужики и любят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.